

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

НЮРА ЧАПАЙ

Пьеса-шутка в одном действии из цикла «Кренделя».

г. Екатеринбург

2003 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АННА ПЕТРОВНА, или «НЮРА ЧАПАЙ» – 70 лет

ЛИЛИЯ, или «ЛИЛЯКА» – её внучка, 20 лет

САША, или «САШИД» – её внук, 30 лет

СВЕТЛАНА, или «ЛАНА» – её дочь, 50 лет

Огромная двухкомнатная квартира на третьем этаже в старом доме – потолки в квартире очень высокие, лепнина, затёртый паркет. Старые кресла, старый диван, по углам старинная, тусклая мебель. В большой комнате – люстра с синим абажуром, широкий балкон с чугунными решетками. Маленькая комната забита матрёшками разных размеров – в комнате не пройти, не развернуться. Впрочем, матрёшки везде: и в большой комнате, и в прихожей, и на кухне. Все полки, полочки, шкафы в квартире забиты матрёшками. Маленькие, большие, средних размеров, огромные – в углах, на полу, на столе, на подоконнике. Часы в виде матрёшки, стул в виде матрёшки, фарфоровые чайники в серванте в виде матрёшек, открытки, картины, на которых матрёшки – видно, сдвиг по фазе у хозяев квартиры на матрёшках.

У двери в прихожую стоит огромный пластмассовый чемодан на колёсиках. В прихожей – новенький велосипед у стены.

В большой комнате СВЕТЛАНА, САША, ЛИЛЯ. Светлана, не останавливаясь, ходит, всё трогает зачем-то, пытается передвинуть. Светлана одета в пончо оранжевого цвета. Она как копна оранжевого сена перекачивается по квартире. На носу у Светланы огромные дымчатые очки.

Саша – в кресле, курит. Саша, несмотря на жару, в пиджаке и в галстук. Лиля сидит на ковре на полу, зажигалкой чиркает, смотрит на огонь, улыбается. У Лили причёска странная – супер-молодежная, такие спутанные-перепутанные волосы, называется это – «дреды».

За окном – яркое солнце, лето, птички поют. День только начался, часов одиннадцать, а уже столько проблем ...

ЛАНА *(пытается сдвинуть кресло вместе с сидящим в нём Сашей)*. Кончено, конечно, блин-мандарин. Кончено, едем, блин-мандарин. Едем, да, едем мы. Мы едем, да, блин-мандарин. Кончено, конечно. Конечно, да, кончено, блин-мандарин.

ЛИЛЯКА. Ой, да ладно, ма, на измену-то не падай. *(Смеётся)*.

САШИД. И правда, мама, возьми себя в руку.

ЛАНА. В руку, Сашечка? Может, в ногу? Шутники сидят. Рот закрой! Кончено, конечно. Кончено, едем. Едем, да, едем мы. Мы едем, да, блин-мандарин. Собирайтесь, сказала! Кончено, конечно. Конечно, да, кончено.

САШИД. Сломалась. Оставь кресло в покое!

ЛАНА *(выпрямилась, крутит головой, очки поправляет, через паузу)*. Ты куришь? А, ну да, большой уже, я забыла. Как-то ты, сынок, незаметно вырос, взросленький стал.

ЛИЛЯКА *(смеётся)*. Наша Сара Бернар.

ЛАНА. Что? Кончено, блин-мандарин. Собирайтесь. Я готова уже. На вокзал, билет, ту-ту, и всё – кончено, конечно, блин-мандарин.

ЛИЛЯКА. Ты, чё, ма, как оленивод? Куда собирайтесь?

ЛАНА *(кричит)*. Кто оленивод?! Какой оленивод?! Кто тут оленивод? Я тут оленивод? Сашечка тут оленивод? Тут олениводов нет и не было! Ты сама оленивод! Рот закрой! Положь зажигалку! Лилечка тут у нас оленивод, вот!

ЛИЛЯКА. Ой, да ладно, как больная, одно и то же сто раз. Что ты за позырь, ма, а? Ну, что, что, что?

ЛАНА. А? Сама сто раз. Больная, да, больная. Мама была больная, да. Кончено, да. Была больная и выздоровела вдруг, блин-мандарин. Хорошо тому живётся, у кого четыре глаза. Нет, не так. Хорошо тому живётся, у кого стеклянный глаз. Он не колется, не бьётся, прям не глаз, а ватерпас. Собирайтесь.

САШИД *(поправил галстук, кашлянул)*. Ты про кого, мама?

ЛАНА. Ни про кого. Тра-тата-ти-та-та-тётся, он похож на водолаза. Ты не помнишь такие стихи из своего милого детства, Сашечка? Михалков, Барто, Маршак, «Дядя Стёпа» и так далее, нет?

САШИД. Мама, не нервничай. Ну, вилы, да. Но она придёт сейчас. Ну, не вышло с квартирой, с матрёшками, ну, чтоб продать их. Ничего. У неё точно заначка где-то есть, надо выцарапать. Мама, сядь! Я сам на иголке! Какой дядя Стёпа?!

ЛИЛЯКА *(смеётся, чиркает зажигалкой)*. Сашид, ты чё, как Батхед, гонишь? Ма в шокинге, не может поверить, что ба стал живой. Да надо радоваться, что ба ожил. А вы не догоняете.

ЛАНА. «Ба», «ма», «ба», «ма», «ба», «ма»! Рот закрой! Я радуюсь. Очень! Тебе наплевать на судьбу брата родного! Я догоняю страшным образом всё. Ты наша местная Эллочка-людоедка! Говори человеческими словами!

ЛИЛЯКА. Ой, да ладно, какими я говорю?

ЛАНА. Где вот она?! Положь зажигалку, сказала!

САШИД. Отдай зажигалку, говорят, пожару наделаешь!

ЛАНА. Хочу и буду, Сашид, хочу и буду, хочу и буду.

САШИД. Ты, коза-дереза, Лиляка, сто раз сказал тебе, меня зовут Александр Николаевич. Ненавижу!

ЛИЛЯКА. А я навиху.

ЛАНА *(толкает стол, пытается его сдвинуть)*. Слушай, ты почему одет как покойник?

САШИД. Оставь стол в покое! Во-первых, я бизнесмен, мама, во-вторых, ты сказала, едем на похороны, оденься соответственно! Вот я и оделся! У меня нет ничего другого с собой! *(Лиля смеётся)*. А что? Плохо выгляжу?

ЛАНА. Идиот! Рот закрой. Я такого не говорила! Может, говорила, да, то же самое, но другими словами, не такими грубыми!

САШИД. Я же и идиот, правильно.

ЛАНА. Ну, а кто идиот тут среди нас? Кто-то же должен быть тут идиот? Кто? Я? Спасибо, сынок!

САШИД. Не привязывайся. Я не виноват.

ЛИЛЯКА. Ой, да ладно, бизнесмен. Торговля спичкозаменителями. Тюмень – столица деревень, стопудово, мама дорогая ...

ЛАНА. Рот закрой! *(Ходит по комнате)*. Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдаться?!

ЛИЛЯКА. Ты про что, ма?

ЛАНА. Так. Тихо! Дети не ругайтесь, а то и так жизнь как в телевизоре ... То есть ... Ладно! Лилечка, Лилечка! Давно хотела тебе сказать, Лилечка, доченька, что ты разговариваешь, как Эллочка-людоедка. Ты хоть знаешь, кто это такая и какая она нехорошая? Не знаешь. А она говорила такие же слова! Тот же словарь. О, Боже, Боже, горе, горе, горе! У тебя во рту язык Гоголя, Пушкина, Достоевского, Чехова, а ты?!

ЛИЛЯКА. У меня свой язык. Смотри – э-э-э-э!

ЛАНА. Рот закрой! Не показывай твоей матери язык! Боже! В ночь, когда папа умер, мне приснился сон: часы на руке без стрелок. И он умер. Я думала: пройдет немного времени и снова будет такой же сон, те же стрелки, то есть, их отсутствие и потом - мама. Ну, нормальный ход времени, так сказать. Одно уходит, другое приходит.

ЛИЛЯКА. Нормальный ход поршня, ты, ма, хотел сказать?

ЛАНА. Рот закрой, блин-мандарин! Не «хотел», а «хотела»! Прекрати эту половую распущенность, в смысле, путать полами тут не надо мне меня! Да! Я боялась спать ложиться. А мама – совсем даже и нет. В смысле, и сны мне не снятся и не снились. И никаких часов без стрелок, ничего. О, горе, что я говорю?!

ЛИЛЯКА (*чиркает зажигалкой, смотрит на огонь, смеётся*). Ходит, выступает, как на сцене, ходит, кругалю даёт. А чего кругалю давать – не всосу.

ЛАНА. Ну, где мать моя?! Куда она ушла? Дети, ответьте мне на извечные российские вопросы: что делать, кто виноват, мы в ответе за тех, кого приручили, человек это звучит гордо, мы не рабы, рабы не мы, ну?!

ЛИЛЯКА. Ма, попучь на себя в зеркало: ты всё время поправляешь волосы, платье, гладишь руки. Ма больной у нас. Оставь руки в покое, ма! Оставь платье и волосы в покое! Слышишь?

ЛАНА. А ты положи зажигалку! Я собралась на вокзал, уезжать собралась, и потому осматриваю себя, смотрю, чтоб всё было прилично. Чтоб мамочка ваша выглядела бы прилично, как пташка, как птичка! А не попугай! К тому же я работник народного образования, пример детям! А ты всё время чиркаешь зажигалкой! Ты ею чиркаешь и чиркаешь, чиркаешь и чиркаешь, подливаешь масла в огонь, в смысле – наоборот! О, горе! Положь, сказала?!

ЛИЛЯКА. Хочу и буду, хочу и буду, хочу и буду, хочу и буду.

ЛАНА. Где бабушка? Где она? Почему ты её отпустила? Я спала, провалилась в какой-то тревожный сон, ждала всё часов без стрелок, их не было, встаю, встаю, встаю, а её уже нет! Мы на вокзал. Всё из-за тебя. Нарожала, дура, балбесов, один другого дурнее! Положь зажигалку!

САШИД. Спасибо. И я виноват. Спасибо, мама.

ЛАНА. Пожалуйста. Но на правду не обижаются, сынок, сыночек, сынуля, сынуленька! Если б тебя не поставили бы на «счётчик», я б была сейчас спокойна. А ты доторговался, бизнесмен долбаный, до такой степени, что скоро маму и папу свяжут, кляп в рот, пытать железом, чтоб деньги за тебя, болвана набитого, отдавали! Оделся как покойник! Я за свою жизнь боюсь, понимаешь?! Злишь, сынок, дуйся на правду, дуйся! Губа толще, брюхо тоньше. (*Пауза, Лана быстро ходит по квартире*). У кого четыре глаза. Тому весело живётся. Нет, у кого одна нога, тому пенсия даётся и не надо сапога! Да блин-мандарин, привязалось! Всё из-за тебя. Давай, расскажи ещё раз: что ты ей дала, блин-мандарин?!

ЛИЛЯКА (*смотрит на огонёк зажигалки, улыбается*). Таблеточку дала, чтобы отправить её в Дэвачен.

ЛАНА. Куда отправить?! Что это за слова?!

ЛИЛЯКА. Мне подружка дала таблеточку волшебную, от далай-ламы, заговоренную. Настоящую, не фуфло. Ну, чтоб она больше не перерождалась, а сразу ушла бы ...

ЛАНА. Куда, блин-мандарин?!

ЛИЛЯКА. В Дэвачен. Ой, да ладно, вот пристал? Вот книжка, читай, не верит.

Кинула на стол книгу, на которой сидела, снова чиркает зажигалкой, улыбается, что-то бормочет себе под нос.

ЛАНА. Подружка, таблеточку, отправила, Дэвачен, перерождаться, книжка, бред, Афанасьев, часть третья, русские народные сказки, блин-мандарин!

Схватила книгу, листает её, быстро читает:

« ... во время 20-30 минут после остановки дыхания надо «сделать Пхову» - осуществить перенесение сознания-энергии в Чистую Страну Дэвачен. «Пхова» по-тибетски – «перенесение», «Дэвачен» - «великая радость». Тогда мы умрем «правильно». Вместо того, чтобы быть охваченными паникой и быть подобными перышку на ветру, мы используем момент освобождения ума от телесной оболочки для приведения его в его естественное состояние - свободное от эгоистических хватаний состояние великой радости». *(Пауза, Саше).* Ты что-нибудь понял? Я ни сантиметра не догоняю, как она вот говорит. Какой на хрен великой радости?! Что ты мне суёшь? Бред, мы православные люди, при чём тут это, чёрт побери, Отче наш, иже еси на небеси?!

САШИД. Лиляка, положи зажигалку, всё сгорит, сама без рук останешься!

ЛИЛЯКА. Ой да ладно ты, гонишь. Вы не верите, а я верю, что такое есть.

ЛАНА. Ты знала, что будет вдруг такое действие, честно?

ЛИЛЯКА. Нет.

САШИД. Врёт всё. А бабушка наша и не болела, нарочно телеграмму нам отправила, потому что вредина. Она еще на наших похоронах простудится. И это была не волшебная таблеточка, а жжёный сахар, обсыпанный сахарной пудрой.

ЛАНА. Да хоть что! Но она же должна была уйти! Но она же не ушла к великой радости?! То есть, блин-мандарин, мы православные, православные, православные, а это всё – восточная чушь, тибетщина, к нам не липнет. Тут что-то другое! Что тебе ещё говорила эта твоя подружка про таблеточку?

ЛИЛЯКА *(смотрит на огонь зажигалки).* Говорила: унитаз открытый и кран течёт – это фэн шуй плохой, деньги убегают. Белье в куче лежит – тоже фэн шуй плохой. Кошки ци разгоняют, а зеркала ци отражают. Вот так! Понял, ма?

ЛАНА. Какой шуй, какой фэн, какой ци, блин-мандарин?!

САШИД. Фуфлогонство.

ЛИЛЯКА. Да что бы ни было – ба ведь жив? Великая радость, значит. Не верьте. Но если сахар, почему тогда такое действие, ты, Батхед, оленевод?

САШИД. Она же должна же была же отъехать? Так? Ну, раз у тебя такая таблеточка, да? А почему тогда иначе вышло?

ЛИЛЯКА. Ой, да ладно, может, подружка таблетосы перепутала. У неё много

разных. Она про фэн шуй и про ци такое знает – вам не снилось. Может, она мне другую дала, придающую жизненные силы. *(Смеётся)*. Нет, ну надо, а? Ба лежал как бревно, часы без стрелок были, а вдруг ба наш встал, пошёл и третий день не остановить. *(Хохочет)*. Позавчера велосипед ба купил, вчера ба напился в хлам.

ЛАНА. Она опять – «ой, да ладно»! Что это значит вообще – «ой-да-ладно»? Рот закрой! Ну, вот где она? Куда пошла? Она сказала? Она ведь мать моя, я беспокоюсь, ты почему с ней скооперировалась, стогоношилась, мне не говоришь, блин-мандарин, дочечка?!

ЛИЛЯКА. Сказала. Наш ба в цирюльню, сказала, пошёл.

САШИД. И сберкнижку с собой взял. Взяла, то есть. Я видел. Да, да, мама! Она у неё вон в той матрёшке лежала.

ЛАНА. Как сберкнижку? Зачем взяла? У нас нет денег даже на дорогу. Надо хоть какую-то курицу купить в поезд. Положь зажигалку, сказала!

ЛИЛЯКА. Не положу! Зачем курицу?

ЛАНА. Жрать, вот зачем! В купе жрать захотите! Вы мои дети, а я ваша мать, вашу мать, я должна вас кормить, кормить, кормить! Положь!

САШИД. Точно, в какой-нибудь матрёшке спрятано бабло. Все старухи прячут на чёрный день. Давай искать, ма.

ЛИЛЯКА. О, воровайки.

САШИД. А что, по-твоему, ехать без кэша, голодом?

ЛАНА *(курит, ходит по комнате)*. Она не пила, не ела, когда мы вошли. Как, когда ты успела ей всунуть этот таблетос?

ЛИЛЯКА *(смеётся)*. А обманула. Сказала: «Ба, хочешь туда, на небо, и чтоб вокруг тебя там твои матрёшки были?» Она говорит: «Хочу». Я ей: «Ну, выпей вот». И дала таблеточку. Чтоб она не перерождалась!

ЛАНА. А она переродилась, да ещё как! Я её такой повернутой вообще не видела никогда! Молодец, доченька! Отваживалась с бабушкой, пока я отвернулась! Спасибо, блин-мандарин! А я как раз была на кухне. Если б я видела, я б тебе, блин-мандарин ...

ЛИЛЯКА *(перестала играть с зажигалкой, смотрит на мать, улыбается)*. Ма, она твоя родная ма. А?

МОЛЧАНИЕ.

ЛАНА. Рот закрой. Конечно, она моя родная ма. Но ты пойми моё состояние, детка: я поехала, чтобы совершить последнее, печальное, что необходимо сделать дочери для мамы, а тут ... В смысле, совсем не то ... У меня настрой другой был! Что ты там подумала такое?! Положь зажигалку! Нет, я очень рада, что мама жива-здоровая, просто я не знала, что такое действие будет, что она так начнёт куролесить. Бог ты мой, Бог мой ... О, Чапай, Чапай, узнаю тебя, Чапай!

ЛИЛЯКА. Чего?

ЛАНА. Её так звали всегда за глаза. Она всю жизнь руководила, в профсоюзе работала, папа – подкаблучник, а она – вечно на коне, с саблей, с шашкой, на тачанке, Нюра Чапай, грёбаная такса! Господи, что я говорю?!

САШИД. Тихо! Идёт. Идёт воробей по крыше. Идёт наша ба. Готовьтесь. Сейчас будут вам балдежки.

Во входной двери поворачивается ключ, входит АННА ПЕТРОВНА. Она открывает дверь задом. Она потом много будет ходить, но всегда двери открывает задом – и в соседнюю комнату, и на кухню, и в прихожую. У Анны Петровны постоянно какое-то нервное радостное перевозбуждение. Она в шикарном платье, завита, пострижена, в кокетливой шляпке набок, в одной руке у неё маленькая блестящая сумочка, в другой – цветной пакет. Что-то радостно мурлыкая, почему-то на цыпочках, она идёт на кухню, открывает дверь задом, проходит к холодильнику, достаёт из него колбасу, хлеб, находит нож, делает себе бутерброд, возвращается, ест, выкладывает из пакета на стол какие-то продукты в блестящих упаковках. Замерла. Оглянулась на всех, вздохнула.

АННА ПЕТРОВНА *(протяжно)*. Же-е-есть. Я думала – свежи, а это опять те же. Башка трещит с похмелья. Что у вас тут, очередная заседаловка? Что я опять не так сделала?

ЛАНА. Мама!

АННА ПЕТРОВНА *(вздыхнула)*. Получил зарплату я, девяносто два рубля.

ЛАНА. Ты про что? Про какие девяносто два рубля? Мама, в твоём возрасте тебе нельзя колбасу! Тебе надо кашку, кашку-малашку, мамочка, ну?

АННА ПЕТРОВНА. Почему это? Всем дали колбасу, а мне – нет колбасы? А мне кашку-малашку?

ЛАНА. Для здоровья вредно!

ЛИЛЯКА. Заточи, ба, колбасы, не слушай их.

САШИД. Здорово, бабушка.

АННА ПЕТРОВНА. Здорово. Здоровей видали. Внучек. Красавчик писанный! *(Вздыхнула, протяжно)*. Же-е-есть. Что?

ЛИЛЯКА. Ты у цирюльника была?

АННА ПЕТРОВНА. Ничего, ага? *(Смеётся, вертится перед зеркалом)*. Волосы, правда, уже все поповылазили, но я парикмахершу залечила и она мне из ништяков замутила мощнейше, шик просто, ага?

ЛАНА *(сжимает кулаки, тихо)*. Что такое, мамочка, «ништяки»? Что такое, мамочка, «жесть»? Что такое, мамочка, «мощнейше»? Что такое, мамочка, «залечила»? Что ты говоришь, мама?!

АННА ПЕТРОВНА. «Ништяки» - остатки, «жесть» – плохо, «залечить» - обмануть, а «мощнейше» – это мощнейше! Не знала? Так Лиляка говорит всегда. А я тоже хочу быть современной, молодежной и шпрехать на молодежном жаргонии, потому что ... Ладно, потом. *(Ест)*.

ЛАНА. Мама, окстись?! Тебе семьдесят лет! Задрав штаны, вперёд за комсомолом?! Что – потом? Ну, зачем тебе это, мамочка?

АННА ПЕТРОВНА. А понты? Так, Лиляка?

ЛАНА. Твою внучку зовут Лиля, Лилечка, Лилия! Помнишь песню: «Три лилии, три лилии!»?! В честь неё она названа! Ну, блин-мандарин, не в честь песни, а честь лилии, цветочка такого, цветочечка, цветущечка, не догоняешь?

АННА ПЕТРОВНА. Догоняю.

ЛИЛЯКА. Ты, ма, точно оленивод.

САШИД (*бурчит*). На голове волосинка за волосинкой бегают с дубинкой, а она в парикмахерскую, молодец, правильно.

АННА ПЕТРОВНА. Ну, же-е-есть. Кто-то что-то сказал или мне послышалось?

САШИД. Послышалось.

АННА ПЕТРОВНА. Спасибо, внучок. Красавчик писанный! Какой у меня внучок умный, красивый, как он любит бабушку. (*Ест*).

ЛАНА. Мама, мы уезжаем, ты помнишь это?

АННА ПЕТРОВНА. Ну, счастливо, попа-слива.

ЛАНА. Мама, я твоя дочь!

АННА ПЕТРОВНА. Я не в маразме.

ЛАНА. Ты хотела вызвать нотариуса!

АННА ПЕТРОВНА. Ну, же-е-е-есть. Заточу-ка я ещё и сыру. Есть он у нас? (*Пошла на кухню, открыла дверь задом, шарится в холодильнике.*)

ЛИЛЯКА (*смеётся*). Точи, ба, правильно!

ЛАНА. Прекрати точить! То есть, есть! Сядь, всё обсудим. Лиляка! Положь зажигалку!

ЛИЛЯКА. Ой, да ладно, чё как оленивод?

ЛАНА. Рот закрой! Я вот дам тебе оленивода, блин-мандарин!

АННА ПЕТРОВНА (*вернулась, включила телевизор, села, ест, смотрит*). Так, позырим. Я телик децл попучу, а? В смысле, посмотрю, что там есть, а? (*Пауза*). Да что, что, что?

САШИД. Как что, бабулечка? Я ж тебе вчера все свои проблемы чисто так рассказал. А ты: сам не ам и другим не дам, так, да? Завещание!

АННА ПЕТРОВНА. Красавчик писанный! Какой у меня внучок умный, красивый, как он любит бабушку. Ой, ой, ой! (*Смотрит в телевизор*). Слышишь? Же-е-есть!

ЛАНА. Да что?

АННА ПЕТРОВНА. Не может быть, чтобы стриженного брить! Слышишь, что говорят? Собака в Гвинее-Бисау прошла пешком двести километров. Потерялась, но нашлась, пришла к дому. Же-е-есть! (*Ест*).

САШИД. Нотариус!

АННА ПЕТРОВНА (*в телевизор*). Красавчик писанный! Какой у меня внучок умный, красивый, как он любит бабушку.

ЛАНА. Ты уже это говорила!

АННА ПЕТРОВНА. Хорошие слова не грех повторить пару раз. Лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Нет, это я так.

ЛАНА. Он груб, но прав. Нотариус, мама, нотариус, блин-мандарин!

АННА ПЕТРОВНА. Знаешь, я будто заново родилась. Лет сорок у меня ещё

есть впереди. То есть, у меня всё спереди, понимаешь? *(Смеётся)*. А я, дура, помирать собралась. Лиляка, спасибо. Так что про нотариуса - рано. Всё, молчи, я ушла в несознанку. Не надо, не порть мне настроение. *(Ест)*.

ЛАНА. Её зовут Лиля, цветок, цветочек!

ЛИЛЯКА. Меня зовут Лиляка, я не цветок, не цветочек! Правильно ба говорит!

АННА ПЕТРОВНА. Ну, слышишь, что ребёнок говорит? Ему виднее, как его зовут. Придумала, «Лилия». Назвала бы еще «Герань», «Щучий хвост» или еще страшнее – «Роза». Вот меня в молодости звали - Нюра Чапай. Эх! *(Хочочет)*.

ЛИЛЯКА *(смеётся)*. Мы знаем, ма сказал только что! Ну, ты ба вааще!

ЛАНА. Петровна! Как не стыдно перед внуками? Нюра! Какой Чапай? Какая Анюта?! Что за кликуху ты себе выдумала?

АННА ПЕТРОВНА. Это у вас кликухи: «Сашид», «Лиляка», «Лана». А я была – Нюрка Чапай! Слушай, я ведь тебя назвала Светой, с чего ты стала Ланой? Ладно, не бери в голову, не парься, проехали с орехами. Анюта Чапай, да! Эх, я ли была не конь вороной?! *(Смеётся)*. Всегда во всех делах впереди, всегда пашку наголо, всегда – ура, ура, ура, вперёд, давай, делай, делай, *(хлопает в ладоши)* на бутылку белой, делай раз и делай два, чтоб не болела голова! *(Пауза)*. Ладно, стоп мемуарить, Анюта Чапай. Так, я решила.

ЛАНА. Ну вот и правильно, наконец-то, вошла в ум мать наша.

АННА ПЕТРОВНА. Да, я решила. Я себе сделаю дреды, как у Лиляки, у внученьки моей. Как ты это сделала, детка? Надо просто не расчёсываться и не мыть голову месяц, да, и всё, да?

ЛАНА. Как дреды? Какие дреды? Почему дреды, блина-мандарина!

АННА ПЕТРОВНА. А насекомые там не заведутся, нет?

ЛИЛЯКА. Ба, тебе не пойдёт. Мы тебе сделаем косички, сто штук, хочешь? Я сама сделаю тебе, прям сейчас. Хочешь?

АННА ПЕТРОВНА. Красавица писанная! Какая у меня внучка умная, красивая, как она любит бабушку.

ЛАНА. Мама, не общайся с ней, она ненормальная, она тибетская, она не православная, она атеистка, она – фэн шуй и ци знает, у неё дурное влияние улицы! Если смотреть долго в пропасть, то она отразится в тебе, так говорят!

САШИД. Бабушка, во имя всего святого! Кэш, бабло, ну?!

Упал на колени, заплакал театрально.

АННА ПЕТРОВНА *(помолчала, посмотрела на Сашида)*. Красавчик писанный! Ты и вправду прям прирождённый «Незнайкто». Какой у меня внучок умный, красивый, как он любит бабушку. Только ты сильно-то не парься, а? *(Ест)*. Всё получишь в своё время, Бимбо.

ЛАНА. Тебя заклинило? Сошла с ума! Послушай, мама, тебе дали не ту таблеточку. В смысле, Лиля дала тебе её не для того, чтобы ты скакала по улицам и площадям на прутике, ну, на вичке! То есть, ты болела, помнишь? Лежала пластом три дня назад, когда мы приехали, забыла? Соседи нас вызвали телеграммой, помнишь?

АННА ПЕТРОВНА. У меня что, маразм, Сашид?

САШИД. Меня зовут Саша.

АННА ПЕТРОВНА. А Лиляка говорит «Сашид».

ЛИЛЯКА *(хохочет)*. Сашид, Сашид, говори, ба, говори. А ещё лучше – Батхед.

САШИД. Бабушка, мы специально ехали из Москвы двое суток!

АННА ПЕТРОВНА. Ой, да ладно ты, на измену-то не падай, ну? Непруха какая ... Ну и что теперь? Будешь держать меня теперь на коротком поводке?

ЛАНА. Это ты, Лилечка? Это всё ты!

ЛИЛЯКА. Я. Я за три дня перевоспитала ба. *(Хохочет)*. Моё воспитание! Улица! Подворотня!

АННА ПЕТРОВНА. Не знаю, в цирюльне меня понимали. Все всё понимают, одна ты паришься. Слушай, Лиляка, мне так нравится говорить эти гадкие слова. Я всю жизнь, даже когда была Анна Чапай, говорила каким-то стёртым, как старый пятак, языком. А этот – как розовые яблочки. Спасибо, Лиляка. Слушай, может, мне ещё забодяжить котячий супчик?

ЛАНА. Мама! У тебя во рту язык Пушкина, Гоголя, Достоевского! А ты?!

ЛИЛЯКА. Ты говорила, что это у меня, у меня во рту язык Пушкина, Гоголя, Достоевского. И еще Толстого.

ЛАНА. Мама, что ты сказала?

АННА ПЕТРОВНА. Опять мне крылья заламывают, опять меня в лавку за керосином посылают. Что? Ну, что?! Переведи, Лиляка, что ли, ей, а?

ЛИЛЯКА. Ба хочет поесть китайской одноразовой лапши, развести кипятком. Ба, забодяжь, конечно, котячий супчик. Вскипятить тебе воды, ба?

АННА ПЕТРОВНА. Красавица писанная! Какая у меня внученька умная, красивая, как она любит бабушку. Дала бабушке таблеточку. Вскипяти, вскипяти.

Лиля смеётся, бежит на кухню, ставит на плиту чайник, зажигает спички, смотрит на них.

САШИД. Ты же умирала!

АННА ПЕТРОВНА. И?

ЛАНА. Прекрати, сынок, прекрати!

У кого-то в кармане звонит сотовый телефон. Все – Лана, Саша, Лиля - вздрагивают, кидаются шарить по карманам, достают телефоны, кричат «Алло?»

Телефон продолжает звонить.

АННА ПЕТРОВНА *(достала телефон из сумочки, говорит в трубку)*. Алло? Ага, ну да. Несите по адресу, в заявке который. Ну да. Дверь открыта в подъезде, ага. *(Нажала кнопку. Оглядывается.)* Что опять? У меня прям крышу срывает.

ЛАНА. Откуда ты это взяла?!

АННА ПЕТРОВНА. По дороге из цирюльни зашла и купила себе, эту ... Как её, Лиляка?

ЛИЛЯКА. Мобилу!

АННА ПЕТРОВНА. Ага, мобилу. Да не парься ты, Светка. У вас у всех есть такая игрушка, а мне нельзя? Этот вон даже в туалете с ней играет. Пойдёт

личинку откладывать, сидит там и играет.

ЛАНА. Какую личинку откладывать он ходит?! Ты про что, мама?! Как он с ней в туалете играет?! Сашечка, это правда?

АННА ПЕТРОВНА. Ну так, играет, конечно, правда. У него на мобиле тетрис.

ЛАНА. Да тебе-то зачем?! В туалете с ним играть, что ли? Да что с тобой? Да где ты? Да как ты? Да почему ты, блин-мандарин? *(Плачет)*.

АННА ПЕТРОВНА. Жесть, Бобик сдох, вилы. Ну вот, из-за мобилы она рыдать будет. Ну и что? Слушай, Светка, у меня будто глаза открылись. Сейчас принесут пиццу. Я заказала. Первый раз в жизни. Ну и чёрт с ним, ага? *(Смеётся радостно и легко)*. Балдежки!

ЛАНА *(рыдает)*. Мамочка, мамочка, мамочка!

АННА ПЕТРОВНА. Так, у меня от тебя депресняк начинается, Ланка. Всё, уймись, хорош! Я же выздоровела? Ну вот.

Села у телевизора, достала из пакета чипсы, банку пива, ест, пьёт.

САШИД. Бабуль, да ты пивком, гляжу, пробавляешься?

АННА ПЕТРОВНА. А? Да это так, некрепкое, только похмелиться.

ЛАНА. Ужас!

АННА ПЕТРОВНА. Жесть!

ЛИЛЯКА. Что?

АННА ПЕТРОВНА. Попучь в телик! Ну?

САШИД. Что?

АННА ПЕТРОВНА. Жесть! В Австралии акула человека съела!

САШИД. Где?

АННА ПЕТРОВНА. В телевизоре. Вон, только что сказали. Ну, в Австралии на пляже акула съела человека! *(Пьёт пиво)*. Почему у меня такой маленький телевизор? Надо купить большой, чтоб было видно все зубы акулы. А у меня даже собаку из Гвинеи-Бисау еле-еле видно. А я хочу ее рассмотреть и понять ее тягу к родине. Двести кмэ пешком! Через всю Корею, Вьетнам шла и пришла в Гвинею-Бисау, к родному порогу. Ну это надо же, а? Жесть!

ЛАНА. Да что, что?

АННА ПЕТРОВНА. Ну как, что, Лана?! Акула вон человека съела. Съела ведь до капельки! Схрумкнула!

ЛАНА. Ну и что?

ЛИЛЯКА. Ты что такая тормозная? Ба переживает.

ЛАНА. Из-за чего?

АННА ПЕТРОВНА. Да блин, дочечка, акула вон человека схрумкнула!

Пауза.

ЛАНА. Понимаю. Понимаю. Это трагедия, конечно. Кошмар. Акула человека схрумкнула. Что нам Гекуба.

Звонок телефона. Все снова хватаются за карманы, достают телефоны, кричат «Алло?!» Анна Петровна в трубку:

АННА ПЕТРОВНА. Алё? Подавала. Адрес в объявлении, да. В восемь? Дайте контактный телефон, чтоб я сделала отбой. Ага. Ну, если что вдруг напреет, я позвоню, ага. Запомнила. Ага. Ага. Ага. Жду. Подъезд не закрывается. *(Нажала кнопку, снова смотрит в телевизор, ест чипсы, пьёт пиво)*. Жесть! Вот жесть, а? И правда – на грех и грабли стреляют.

ЛАНА. Какие грабли?!

АННА ПЕТРОВНА. Да акула вон человека схрумкнула.

ЛАНА. Акула? Акула, да? Кто придёт в восемь, мама?

АННА ПЕТРОВНА. Мне надо купить такую держалочку для мобилы ...

ЛАНА. Чего?

ЛИЛЯКА. Держатель на пояс ба хочет купить. Ну, правильно, а то так плохо.

АННА ПЕТРОВНА. Ну да, если он в сумке – неудобно: роешься, роешься, пока найдёшь ... Ну надо же – акула человека схрумкнула, а? Вот ведь, а?

ЛАНА. Кто придёт в восемь?

ЛАНА *(смеётся)*. Жених, ага, ба?

АННА ПЕТРОВНА. Нет. *(Смеётся)*. Но мне нравится ход твоих мыслей. Нет пока. Но я подумаю над твоими словами.

ЛАНА. Кто – в восемь?!

АННА ПЕТРОВНА. Ах, я ж забыла, забыла, что в восемь вызвала ещё и портниху, ну, оленевод я, оленевод!

Притащила из прихожей велосипед, села на него, прокатилась по квартире. Лиля хлопает в ладоши, Саша и Лана пучат глаза.

ЛАНА. Зачем портниху домой?!

АННА ПЕТРОВНА. А понты?

ЛИЛЯКА. Для пафоса, зачем!

ЛАНА. Не понимаю. Доченька, переведи на русский, что бабушка сказала, а?

ЛИЛЯКА. Ба сказал, что портниху вызвал, вот и всё.

ЛАНА. А кто придёт в восемь?

АННА ПЕТРОВНА. Дядька один. Мне бабло нужно. Ну, не для меня, а ... Короче, потом скажу. Он купит у меня матрёшек.

ЛАНА. Коллекцию?! Мама, коллекцию?!

АННА ПЕТРОВНА. Я решила продать их. Всех. Дала объявление. И смотри – быстро как. А зачем они мне нужны? Зачем я их собирала всю жизнь? Для каких детей? Они красивые, да, но они для детей. А у меня детей нету.

ЛАНА *(плачет)*. А я, мама? А я?

АННА ПЕТРОВНА. А ты чего, в детство впала, чтоб с матрёшками играть? Ну надо же, а? Как я раньше вообще жила без мобилы? *(Смотрит в телевизор)*. Нет, ну надо же, а?

САШИД. Что?

АННА ПЕТРОВНА. Акула съела человека вон, вот что! Вот тебе и что!

ЛАНА. Всю коллекцию? Всех?

АННА ПЕТРОВНА. Всех. А что? Зачем я их собирала всю жизнь, горбатилась на них? Пусть они поработают теперь на меня. Как я раньше этого не сделала?

ЛАНА. Мама, коллекция не принадлежит одной тебе! Папа собирал коллекцию вместе с тобой!

АННА ПЕТРОВНА. Ой да ладно ты, папу вспомнила. Потом тебе что-то про него расскажу. Он меня одобряет.

ЛАНА. Что ты говоришь, мама?!

АННА ПЕТРОВНА. Да что ж мне опять крылья заламывают и в лавку за керосином посылают? Ну, что, что?

ЛАНА. Вызывайте врача. «Скорую»! «Неотложку»!

САШИД. Я вызову. Есть бригада «лёгкая», а есть «тяжелая». Какую надо, ма, скажи, я вызову сейчас?

ЛАНА. А в чём разница? А, поняла. «Тяжелую», конечно.

АННА ПЕТРОВНА. Я вам вызову. Я вас всех поудушиваю, поубиваю. Меня в молодости звали Ньюра Чапай. Я шла напролом. Шла и шла, Ланка, помнишь, доча, как я махала саблей? И как никто не смел ко мне подступить?

ЛАНА. Ты это к чему? Какая сабля?

АННА ПЕТРОВНА. Острая! Которая у меня в шкафу спрятана! Это я про «лёгкую» и про «тяжелую» бригаду. Пусть приедут. Мало не покажется. Я шла и шла, и буду идти.

ЛАНА. Когда и куда ты ходила? Мама, ты же была у нас благообразная старушечка. Старушка. Есть бабки, а есть старухи. Ты же была старушечка и вдруг сошла с ума. Ты ведь не на нарах оказалась. Прожила достойно, как надо. Всю жизнь на руководящей работе, уважаемый человек, достойный член коллектива и вот, нате, блин-мандарин!

АННА ПЕТРОВНА. Какая я была?

ЛАНА. Благообразная, едри его налево! Вы с папой были два сапога пара. То есть – один другого смирнее, собирали спокойненько коллекцию, никому не мешали, ходили в магазин за кефиром и за хлебом, вы оба два были образцом для меня ...

АННА ПЕТРОВНА. Оба два. Ага, папа. Жил грешно и умер смешно ...

ЛАНА. Да, образцом благообразности!

АННА ПЕТРОВНА. Отойди, мне не видно.

САШИД. Там бокс.

АННА ПЕТРОВНА. Я люблю, когда хук с низу делают ...

САШИД. Какой хук?

АННА ПЕТРОВНА. Показать?

САШИД. Тихо, спокойно, молчать, не двигаться, я ведь пока не вызываю ни «лёгкую», ни «тяжелую» бригаду?

ЛАНА. Mamочка, ну не хочешь «тяжеленькую» бригадку, давай «легонькую» вызовем, легчайшую, облегчённую такую, они укольчик сделают, помогут ...

АННА ПЕТРОВНА. Вызови, дочечка. Но помни, что я - Нюра Чапай.

ЛАНА. Дети, скажите хоть вы!

ЛИЛЯКА. Ой да ладно ты со своими побочками ...

САШИД. Ты, ба, позырь, вот ты кто. Была тихая сапа ...

АННА ПЕТРОВНА. Сам ты позырь, сам ты сапа. Приехал доить самовар.

САШИД. Ага. Сам. Спасибо. Вникла, поняла мои проблемы. Спасибо, ты настоящая бабушка, истинная, Анна Родионовна просто, ага, спасибо.

АННА ПЕТРОВНА. Всю жизнь я прожила в страхе. Папочка прибил на кухне шкафчики, они висят на одном гвоздичке и я всю жизнь боялась, что шкафчики рухнут мне на мою дырявую башкенцию. Но всё – кончено, конец страхам. Папа был творческая личность, писал книги. Их не издавали. Так и лежит вон ворох целый. Я читала. Барахло.

ЛАНА. Что ты говоришь о нашем отце?!

АННА ПЕТРОВНА. За глаза царя ругают. А что, неправда? Хорош уж прятаться, надо честно сказать всё про него, ведь двести лет жопой дышать не будешь.

ЛАНА. Что она говорит?!

АННА ПЕТРОВНА. Да он сам признался.

ЛАНА. Когда он признался?

АННА ПЕТРОВНА. Потом расскажу, не время.

САШИД. Всё! Мы поехали на вокзал. Едем. Чего сидеть так? В Москву, в Москву, в Москву! Домой! И дома как-то решать все проблемы, тут не решить, мама!

ЛАНА. Как едем, как? Ты не видишь, ей плохо, блин-мандарин?

ЛИЛЯКА. Ей очень хорошо. Да, ба? Мощнейше?

АННА ПЕТРОВНА. Ага. Мощнейше.

ЛАНА. Тебе плохо, плохо, плохо!

АННА ПЕТРОВНА. О, забил!

САШИД. Кто? Что?

АННА ПЕТРОВНА. Гол забил. Ну, блин-мандарин! (*Саше*). А ты, Бимбо, что ногами всё время трясешь? Чертей качаешь?

САШИД. Кто Бимбо? Я Бимбо? Бабушка?!

АННА ПЕТРОВНА. Ой да ладно ты, кончай тайгу пылесосить.

ЛАНА. Боже мой! Ты видишь, какая у неё каша в голове? Акула съела человека, хук с низу, футбол, чипсы, мобила, пиво, видишь? Нет, всё! «Тяжёлую» бригаду! Я сама вызову! Ей плохо! (*Достала мобильный телефон, трясёт им в воздухе*).

АННА ПЕТРОВНА. Да жесьь какая, мне никогда так хорошо не было,

понимаешь?!

Анна Петровна выключила телевизор, взяла у Лили зажигалку. Залезла с ногами в кресло, чиркает зажигалкой, смотрит на огонь. Лиля достала вторую зажигалку, рядом села, тоже чиркает, смеётся.

ЛАНА. Ты видишь, Сашечка? Они обе двинулись умом! Мама, положи зажигалку!

АННА ПЕТРОВНА. Не положу. Мне нравится смотреть на огонь. Хочу и буду, хочу и буду, хочу и буду.

ЛАНА. Положь, мама?!

АННА ПЕТРОВНА. Чё ты мохаешь? Достала!

Встала, идёт по комнате.

Мебель надо переставить. Плохо стоит.

ЛИЛЯКА. Ага, ба, правильно. Это называется фэн шуй. Надо всё на север ногами, а в зоны электромагнитных волн поставить диван ...

САШИД. Чего?

ЛИЛЯКА. И чтоб острых углов не было. Ой да ладно ты, обсосок, не парься, тебя не понять! Давай, ба, я тебе помогу.

Анна Петровна и Лиля вместе двигают диван по квартире. Колёсики дивана противно скрипят, но едут.

САШИД. Ну, послушай, ба, это ведь не шутка. Мама притащила нас сюда, чтобы мы продали твою квартиру, мебель, коллекцию, а ты нас так подводишь? Да?

АННА ПЕТРОВНА. Вот вам всем – комбинация из трёх пальцев ...

ЛАНА. Жесть! Теперь у меня депресняк начинается.

АННА ПЕТРОВНА. Язык Пушкина, Гоголя, Достоевского. Ты же училка и такие слова. Какой пример детям, а? Вот так будет стоять диван. Гут, Лиляка?

ЛИЛЯКА. Стопудово! Зэр гут!

АННА ПЕТРОВНА. На новом месте приснись жених невесте. *(Прыгнула на диван, легла, руки на груди сложила, лежит, смотрит в потолок, улыбается.)*

САШИД. Лиляка! Ты зачем ей помогаешь?

ЛИЛЯКА *(прыгнула на диван и легла рядом с Анной Петровной).* Я радуюсь, что моя таблеточка так помогла ба. Приеду в Москву, расскажу Машке – она в обморок упадёт. И вся тибетская община.

ЛАНА. Секта!

САШИД. Именно, секта!

ЛИЛЯКА. Не завидуйте, оленеводы.

Анна Петровна встала, пошла по квартире, поёт что-то, берёт матрешек, целует их, ставит на место.

АННА ПЕТРОВНА. Прощайте, мои дорогие, прощайте, прощайте! Мы с вами там увидимся, да? Мы же с вами уже договорились, да?

Увидела чемодан, толкает его в прихожую.

ЛАНА. Мама, не трогай наш чемодан!

ЛИЛЯКА. Трогай, трогай, ба, от него плохая энергия идёт. А надо, чтобы энергия ци разгонялась, иначе фэн шуй плохой.

ЛАНА. Мама, ты нас выгоняешь? Мама, какое право ты имеешь отодвигать наш чемодан к дверям?!

АННА ПЕТРОВНА. Мое право выстрелило с первым залпом Авроры! Уйди. Я Анюта Чапай. Как достану вот саблю, ну?! Где вот она у меня тут спрятана?!

Толкает мебель, Лиля помогает ей.

ЛАНА. Лиля, я расскажу папе про твоё поведение! Он тебя – ремнём!

ЛИЛЯКА *(толкает мебель, матрёшки падают).* Ба, хочешь про нашего черепа, ну, про папу, то есть?

ЛАНА. Молчать!

ЛИЛЯКА. Слушай! Толкай сильнее! Ма про него всё по параллельному телефону услышала, узнала. Он тут лежал недавно больной-пребольной, ему шестьдесят, и вдруг в трубку говорит шепотком подружке, товарке своей: «Сегодня мой товарищ уезжает, так что приходи!» Это он про маму, что она ему – товарищ, слышишь? *(Хохочет).*

АННА ПЕТРОВНА. Молодец! Мне нравится его поведение. Ну и что дальше?

ЛАНА. И это родные мне люди? Нет, нет, чужие, чужие!

ЛИЛЯКА. Он ходит и у него коленки скрипят, он тренер в бассейне. А завёл любовницу. Мать ей звонит, а той тридцать, а она матери говорит: «Оставьте его в покое, вы пожилая женщина!» Понял, ба? Короче - непалец наш папа. То есть, не пальцем деланный. Год лечил мочой лысину. Ему сказали, что надо заниматься урилотерапией. Он и давай мутить. Представляешь, ба, в каком кошмаре я живу? Ба, возьми меня к себе жить, а?

АННА ПЕТРОВНА. Ты потому такие волосы сделала?

САШИД. Молчать! Заткнись, прекрати выносить сор из избы!

ЛИЛЯКА. Ба, а давай твои старые кишки посмотрим, может, тебе чего не надо, мне подаришь, нет?

АННА ПЕТРОВНА. Кишки?

ЛИЛЯКА. Ну, платья, платья твои старые посмотрим, вдруг тема будет как раз для меня, а?

АННА ПЕТРОВНА. Давай. Мне, кстати, надо найти что-то торжественное.

ЛАНА. Зачем?

АННА ПЕТРОВНА. Много вопросов. Да где же моя сабля?!

Анна Петровна и Лиля открыли шкаф, вывалили из него на пол кучу тряпья, сидят на полу, перебирают, смеются, прикладывают тряпки к себе.

ЛАНА. И это моя родная дочь! И это моя родная мать!

ЛИЛЯКА. Сара Бернар! Вот это мне идёт, отдашь мне?

АННА ПЕТРОВНА. Бери. Только это же совсем поцоканное, отстойное, немодное?

ЛИЛЯКА. Ты что, это тема!

АННА ПЕТРОВНА. Тогда не дам. Нет, стой, бери, мне такие тёмные не идут, мне посветлее чего надо. Бери. *(Смеётся).* Эх, Лиляка, хорошо быть молодым, в башке ветер, сзади дым! Но и старым тоже неплохо. *(Хохочет).*

ЛАНА. Посветлее тебе, да? Посветлее? Мама, у меня были такие гиперболические планы ... И что?

ЛИЛЯКА. А эта подвязка тут зачем, ба?

АННА ПЕТРОВНА. А понты?

ЛИЛЯКА. Ну тогда – да, согласна.

ЛАНА. Тебе наплевать на внука! Он на «счётчике»! Я умру вот!

Лана скинула с себя пончо, колотит им по дивану. Упала на диван, стонет.

АННА ПЕТРОВНА. Что это с ней?

САШИД. Довели маму. Довели, две гадины!

ЛИЛЯКА. Да помолчи, олeneuveд! Ничего такого. Ушла в несознанку. Вернётся.

АННА ПЕТРОВНА. Может, Лиляка, ты ей таблеточку, как и для меня, найдёшь?

ЛИЛЯКА. А у меня больше нету. Ничего, полежит, отойдёт.

АННА ПЕТРОВНА. Принеси ведро воды, вылей на неё, остуди, а?

ЛАНА *(вскочила).* Я вам вылью! Я вам так вылью!

САШИД. Вы что делаете? Маскарад зачем этот?

АННА ПЕТРОВНА. Какой у меня нервный внучок. Внучочек. Чё ты паришься? Дай нам замутить чего-нибудь красивое, ну?

САШИД. Мы хоронить приехали тебя! Умирай давай, значит! Эта дура дала тебе таблеточку, чтобы отправить в рай или как там называется, а ты?

ЛИЛЯКА. Молчи, олeneuveд!

АННА ПЕТРОВНА. Правильно, молчи, олeneuveд!

САШИД. Олeneuveдки сами вы обе две!

ЛАНА. О-о-о-о! Закройте ваши поганые роты! *(Снова упала на диван).*

ЛИЛЯКА. Ба, ты класснющая, мощнейше, подружка лучшая мне. Я почему тебя раньше не знала? У, мамец, она скрывала тебя от меня, ни разу к тебе в гости не отпустила, а я сколько раз хотела! Ба, а вот это можно?

АННА ПЕТРОВНА. Нет, стой, это я надену. Сто лет не надевала его. *(Залезла в шкаф, что-то поет, переодевается там).* Лиляка, сейчас выйду! Слышь, там пластинки, поставь чего-нибудь такое, ну, с выходом. Чтоб веселее было, чтоб – великая радость!

САШИД. Мама, не плачь! А то я тоже! *(Лиле).* Ты не видишь – мама в обмороке?!

ЛИЛЯКА. Ой да ладно, в первый раз, что ли? Ба, слышь? Говорю же – наша Сара Бернар, всю жизнь артисткой стать хотела, а работает училкой в школе. Перед папой всё вот так же – бамц да бамц в обморок, а тому всё равно. Слышь, ба? *(Смеётся, переодевается в какое-то старое, с блёстками платье).* Толку нету.

Лежит, лежит себе. А любовница папу позовёт к себе, а мама сядет на нашу пердикалку, на машину, и ездит вокруг её дома, кругаля даёт – дыр-дыр-дыр! – ездит и ездит, ждёт, пока он там, ждёт, когда он выйдет.

ЛАНА (*встала*). Что ты мелешь?

ЛИЛЯКА. Ничего. Думаешь, никто не знает?

ЛАНА. Всё. Я уезжаю.

АННА ПЕТРОВНА. Включай музыку, Лиляка!

Анна Петровна вышла из шкафа в другом платье, в другой шляпке, кружится. Все смотрят на неё, выпучив глаза.

Лиля включила пластинку и запела Шульженко «Челиту»:

*«Ну, кто в нашем крае Челиту не знает?
Она так умна и прекрасна!
И вспыльчива так и властна!
Что ей возражать опасно!
И утром и ночью поёт и хохочет!
Веселье горит в ней как пламя!
И шутит она над нами! И с нею мы шутим сами!
А-ая-яй! Что за девчонка?!
На всё тотчас же сыщёт ответ!
Всегда смеётся громко!
А-ая-яй! Зря не ищите!
В деревне нашей, право же, нет!
Другой такой Челиты! ...»*

(*Перестала кружиться*). Ничего, да? Я была в детстве будто мордой в свеклу, вся в прыщах. А сейчас ничего, правда? К семидесяти как-то выправились, ага?

Пауза.

ЛИЛЯКА (*улыбается во весь рот*). Ба, ты - мощнейше, ты - тема. Я не знала, мама дорогая, что найду тут такие сrostули. Тебе, ба, на подиум надо.

ЛАНА. Ну, всё. Мама, я очень, очень рада, что ты выздоровела. Мы поехали. Дай нам денег на дорогу.

АННА ПЕТРОВНА. Ну что ты, я всё потратила. Сейчас принесут ещё пиццу – надо платить. Потом я заказала ещё – надо платить

ЛАНА. Что ты ещё заказала?

АННА ПЕТРОВНА. Увидишь. Я дотащить не смогла.

ЛАНА. Не пугай меня!

АННА ПЕТРОВНА. И сосед должен зайти, я позвала. Ну, к столу. Он так – нормальный. Правда, фамилия у него подкачала ... А так нормальный. Я вот жду от него «джиэсэмку» на мобилу.

ЛАНА. Чего?

ЛИЛЯКА. «Эсэмэску», ба!

ЛАНА. Чего?

АННА ПЕТРОВНА. Ой, да ладно! Ну, правильно, «эсэмэску».

САШИД. Пьянку, что ли, устраиваешь? Молодец.

ЛАНА. Ладно. Мы поехали. Как-то доберёмся на перекладных ...

Звонок в дверь.

АННА ПЕТРОВНА *(радостно)*. Пицца!

Побежала в прихожую, открыла дверь задом.

ЛИЛЯКА. Я остаюсь тут.

ЛАНА. Тебе учиться надо!

ЛИЛЯКА. Поживу месяцок.

САШИД. Она хочет завладеть наследством.

ЛИЛЯКА. Оленевод.

Из прихожей идёт Анна Петровна, тащит две коробки.

АННА ПЕТРОВНА. Помогите, ну? Пицца вот, и ещё одно сразу же принесли – мой заказ принесли. Тащите всё сюда, на стол, из холодильника, поедим, на посох выпьем.

ЛИЛЯКА. Надо говорить – пригубим.

АННА ПЕТРОВНА. А-а, да, забыла - пригубим. Пригубим на посох. Ну, не квасься ты, Светка, тебя это не личит. За стол садись, ну?

ЛАНА. Ты, мама, ушибленная?

АННА ПЕТРОВНА. Села быстро! И ты тоже. Лиляка, садись рядом.

ЛИЛЯКА. Я, ба, тут, ба.

Все сели вокруг стола, молчат.

АННА ПЕТРОВНА *(встала)*. Вот, хорошо. А теперь – главное. Я пригласила вас всех, господа, чтобы сообщить вам неприятное известие.

САШИД. Что-то чисто так знакомое.

ЛАНА. Давай уже приятное, наконец, а то мы уезжаем.

ЛИЛЯКА. Я - нет, сказала же.

ЛАНА. Рот закрой. Мы уезжаем.

АННА ПЕТРОВНА. Дети мои, уезжаю я. Уезжаю в Египет.

ЛАНА. Ну, совсем она с ума сошла, Господи?!

АННА ПЕТРОВНА. Да, Светочка. В Египет. Итак, признаюсь вам – я и не болела. Я пошутила. Я вас проверяла, проверила. А зачем, дура? Чего я ещё сомневалась? Всё правильно. Не рожают свинья бобра. От осины не рождаются апельсины. В смысле, горбатого – могила исправит. Сама виновата. Но раз вы такие – живите, как хотите, дело ваше.

ЛАНА. Да о чём ты, мамулечка?!

АННА ПЕТРОВНА. Рот закрой. Дай мне выговориться. Так вот, я не болела. Вернее, я болела, но не так, как вы думаете. Таблеточка Лилякина тут не при чём. Я вас вызвала, чтобы разрешить мои проблемки. Детки мои, дело в том, что я – влюбилась. И заболела. Детки, простите старую, глупую вашу бабушку. Ну, что делать? Думаете, у стариков не так же, как у молодых? То же самое, да ещё и похлеще, потому что думаешь, что это в последний раз. Проблемы-ы-ы. Ну вот, я лежала неделю на диване, лицом к стене, перебирала свою жизнь, как бусинки, в руках. Знаете, что есть моя жизнь? Сходил в туалет, повернулся,

посмотрел назад, куда сходил, а там – бездна. Вот что есть моя жизнь.

ЛАНА. Ну и образ.

АННА ПЕТРОВНА. Рот закрой. Ну вот, лежала на диване, перебирала жизнь и вдруг – Лилечка дала таблеточку, и я уснула, и оказалась на небе. Честное слово! Там и вправду на каждом углу были мои матрёшки. Я собирала их всю жизнь, я хотела их забрать с собой, и они оказались там. Только они были живыми. Они тут были для меня живыми, а там - и на самом деле ожили. Они сказали мне: «Отпусти ты нас, уходи ты от нас!» Да, да! О-о, это был вещий сон. Я увидела там, на небе своего мужа. Он шел по дорожке и собирал ручки. Мой муж был писатель, он каждый раз на дороге находил ручки или карандаши и говорил мне: «Анюта! Это Божий знак – Бог велит мне писать!» И он всё писал и писал, я ждала, когда ему дадут Нобелевскую премию, но ему так и не дали. Он стал старым дураком, который обивал пороги редакций. Он всю жизнь прозанимался не своим делом. И вот там, на небе, он увидел меня. Заплакал и сказал мне: «Анюта, живи, как хочешь, а как надо! Посмотри на меня, как я тут мучаюсь, что не так прожил!» Так сказал он. Тут я проснулась, села на диване и подумала: Бог ты мой, а ведь я всю жизнь не жила, как хотела. Зачем я жила? Я всю жизнь занималась не своим делом, потому что так надо было. Для кого? Не знаю. Я была как матрёшка разрисованная, глупая. Дура я была, Нюра Чапай. Но всю жизнь думала, что я на месте, я должна так прожить, а не так прожить, как хочу, а так, как надо. Кому надо? Не знаю. Кому-то надо. Так вот, детки, сообщаю вам: я должна прожить свою жизнь или её остаток так, как я хочу, а не как вам хочется. Вам всем. Я хочу напиться, влюбиться, упасть в лужу, залезть на дерево, ездить на велосипеде, болеть с похмелья, сделать глупость и не думать, а что скажут мне вслед. Да наплевать мне на всё, оказывается. Я вдруг поняла, что меня волнует только моя маленькая жизнь, а не то, что собака прошла в Гвинее-Бисау двести километров, а в Австралии акула съела человека. Мне наплевать на всё и всех – я хочу быть свободной, я хочу жить так, как я хочу, понимаете?! Так что вот, думайте про меня, что хотите, но я сегодня уезжаю, потому что я выхожу замуж.

ЛАНА. В какой взамуж?

АННА ПЕТРОВНА. Он такой хороший, Светка. Правда, фамилия подкачала ... Но статный. Ему всего лишь семьдесят пять. И богатый. Готов за всё платить. Хотя это совсем неважно ... Ему нужна только я и больше ничего. Представляешь? У нас такая с ним дикая-предикая любовь!

ЛАНА. Мама! Тебе семьдесят! Уж, взамуж, невтерпеж! Хорошо тому живётся, у кого одна нога! *(Рыдает).*

АННА ПЕТРОВНА. Так вот. Я вызывала вас из Москвы, чтобы спросить разрешения, чтобы вы разрешили все мои сомнения. Но сейчас поняла, что не буду вас спрашивать. Не ваше дело. Идите вы все в пим дырявый. Что хочу, то и делаю. Хочу и буду.

Звонок телефона. Все хватаются за телефоны.

АННА ПЕТРОВНА. Опять мне. «Эсэмэска» пришло. Или пришёл, Лиляка?

ЛИЛЯКА. Да всё равно. От кого?

АННА ПЕТРОВНА. Твоё какое дело?

ЛИЛЯКА *(хохочет).* Ты, ба, всё в тайне, всё в тайне.

АННА ПЕТРОВНА. Нет, без тайн. Значит, так. Он сейчас придёт. Сообщил вот.

ЛАНА. Нет, мы уедем. Уволь – со старцами знакомиться ещё.

САШИД. Он хочет ее квартиру захватить и наследство.

АННА ПЕТРОВНА. Ой да ладно ты, не гони. Открывайте коробку.

ЛАНА. А чего там?

АННА ПЕТРОВНА. Гляди!

Анна Петровна открыла коробку, вытаскивает из неё новогоднюю мишуру, новогодние игрушки.

ЛАНА. Мама, лето на дворе! Какой Новый год? Ты совсем с ума сошла?!

АННА ПЕТРОВНА. А я хочу Новый год. Лиляка, где музыка? Развесим по всей квартире. Пусть будет красиво! Пусть будет Новый год! Красивое прощание! Пусть матрёшечки мои стоять в украшениях, может так они больше понравятся новому хозяину! Новый год! Новый год! Часы двенадцать бьют!

Лиля смеётся, включила музыку, они вдвоём с Анной Петровной быстро принялись развешивать по мебели мишуру, новогодние игрушки, украшения. Хохочут. Всё сделали. Сели.

ЛАНА. Мама, ладно, мы тебя одобряем. Делай, что хочешь. Только не продавай коллекцию. Она миллион стоит.

АННА ПЕТРОВНА. Я и не буду. А ты - продашь. И квартиру, и мебель – всё. Деньги тебе. Ну, вам. *(Роется в сумочке, достаёт бумажку)*. На вот, я с утра сходила, оформила дарственную. Бери. Мне ничего не надо. Придет человек в восемь – ты ему всё покажешь. И всё продашь.

ЛАНА. Как продашь? Семь пятниц на неделе! Ты же так сопротивлялась? Я ничего не понимаю. А кому деньги ты сказала, кому?

САШИД. Кому, бабулечка, кому?!

АННА ПЕТРОВНА. Да вам, Бимбо. Вам. Заберите. Мне не надо. Уезжаю я, Светка. Цветы поливайте. И портнихе сообщите мои размеры. Вот они, тут, на бумажечке. Он сейчас придёт и мы, прошу прощения, улетаем в Египет, на море, отдыхать. Хватит! Оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа! Мы летим в Египет. На его деньги. Продай коллекцию, делай тут, что хочешь, спасай внука, мне ничего не надо, я начинаю новую жизнь, ещё не поздно. Даже если осталось жить совсем немножко – не поздно начать с начала. Нет, не поздно! *(Смеётся)*. Я легка, как пёрышко. А что? Паспорт я себе вчера исправила. Сделала себя на полтора года моложе. Только не говорите ему! Я ведь совсем даже ничего, да? Я в том возрасте, когда за меня могут ещё платить, так, нет? Египет! Это недалеко от Гвинеи Бисау? Вдруг я увижу там эту самую собаку ...

ЛАНА. Он – кто?

АННА ПЕТРОВНА. Я ж тебе говорю, сосед, он давно уже ...

ЛИЛЯКА. Клинья подбивал? Он аферист.

АННА ПЕТРОВНА. Он хороший, у него только один недостаток. Фамилия. Хабибуллин. А зовут – Трафик. Трафик Хабибуллин. Трафик Абрамович Хабибуллин.

САШИД. Какой ещё Хабибуллин? Здрасьте! Дак кому деньги, бабушка, кому?

Какой Хабибуллин?

АННА ПЕТРОВНА. Всё вам. Такой. Хабибуллин и всё. А мне нравится. Анна Хабибуллина лучше, чем Анна Чапай, нет? Ну и что, что Хабибуллин? Подумаешь, Хабибуллин. Лишь бы человек был и чтоб любовь промеж нами сквозила, так ведь, нет? *(Звонок в дверь, Анна Петровна смеётся)*. Ну, всё? Я поехала, оставайтесь.

ЛИЛЯКА. Ба, я буду скучать, приезжай скорее!

ЛАНА. А вещи? Возьми хоть какую-то тряпку?

АННА ПЕТРОВНА. Зачем? Куплю новое. Вернее, он купит. Вернее, мы купим вместе. А что? Почему бы и нет? Ну, всё, жёсть, вилы, хорош париться, получил зарплату я, девяносто два рубля, на измену не падайте, пока, дети! Мне надо жить.

ЛАНА. Мамочка!

АННА ПЕТРОВНА. Тише, доча! И жить торопится, и чувствовать спешит. Небо в алмазах! Чао, дети! Поливайте цветы. Матрешечки, чао! Простите меня, но мне надо жить. А с вами я не могу, я сама деревянной становлюсь! Мне надо жить! Мне надо жить! Мне надо жить! Чао, чао, чао, чао ...

Лана рыдает, Лиля плачет, улыбается, Сашид сидит, опустив голову.

Анна Петровна взяла зажигалку, чиркнула ею, помахала в воздухе, стоя у порога прихожей.

Засмеялась, повернулась и легко-легко ушла в темноту.

Темнота

Занавес

Конец

апрель 2003 года

с. Логиново